

СЕВЕР БЕЗ ПРИЗНАКОВ ЮГА

Старая и новая проза Валентина Распутина

Независимая газета. — 2001. — 29 авг. — С. 7.

Дмитрий Ольшанский

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР (сам с Юга, притом глубокого) навставлял: истинный писатель должен быть провинциалом. «Вы человек деревенский, таким и оставайтесь», — говорил ему самому Шервуд Андерсон, бытописатель Огайо. Знаменитые романы Фолкнера были написаны в тот момент, когда затейливая южная культура разрушалась на глазах, и виной тому были отнюдь не прогрессивные северяне янки — навдвигался индустриальный мир. В недавней комедии братьев Коэнов «О где же ты, брат?», посвященной как раз незабвенному штату Миссисипи 1930-х, есть один характерный эпизод: герои барахтаются в невесту откуда взявшейся воде, долину затопили под электростанцию, родная ферма тяперича на дне. Русская читающая публика сразу уловит здесь единственно возможную параллель. Валентин Распутин. «Прощание с Матерой».

Издание старых и новых текстов «деревенщика» явно приурочено к недавнему награждению — Распутин стал лауреатом премии Солженицына за 2000 год. Глупые люди, горе-либералы немедленно набросились на писателя (а заодно и на премиальную комиссию) со шквалом бессмысленных и позорных претензий: прогрессивная интеллигенция в России (как, впрочем, и в любом другом месте) судит автора прежде всего по письмам, кои он подписал, неправильным изданиям, в коих он имел неосторожность напечататься, а так-

Валентин Распутин скорбит о старых разрушающихся избах. Новых же (которые строит, например, бюро «Арт бля») просто не замечает.

же по заявлениям вроде стародавнего «Рок — это духовный СПИД». Так в девятнадцатом столетии травили Лескова.

Однако стоит только открыть сборник, неприветливо названный «В ту же землю», как становится ясно: Распутин пишет прозу изящную и с переменной времен нисколько не устаревающую. Прозу, богатую прелестными сентенциями вроде: «Я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих свер-

стниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким». Но если бы только это. Поздние, широкой публике неизвестные рассказы Распутина обладают неожиданными метафизическими достоинствами, о которых, возможно, не подозревает и сам автор, действующий, как и пристало писателю, скорее в качестве медиатора, нежели теоретика и пророка.

Проблема, вокруг которой выстраивается распутинская проза, — человек как антропологическая единица, помещенная внутрь чуж-

дого ей ландшафта. Ландшафта, продолжая математическую метафору, нулевого, ибо одушевленный герой — единственный, для кого в этих рассказах существует время, — вынужден рождаться, чего-то ждать, болеть и умирать, в то время как кругом тайга, снега, Ангара: безразличная, но в то же время совершенно необходимая живому человеку субстанция. Северная природа, похожая на ноль, — потому что там она бесконечна, потому что там без нее не обойтись.

«Аграрная» проза, написанная в подобных условиях, — всегда продукт случившейся природной или крестьянской катастрофы (именно крестьяне, а никакая не интеллигенция есть самая уязвимая часть общества, уподобим их желудочной флоре организма). Обыденная жизнь родной для Распутина реки Ангары (равно как и реки Миссисипи, заметим) не нуждается в литературе — индивидуальный язык требуется ей, когда бытие идет на слом, и только тут пригождается писатель. Велик его соблазн рационально объяснить случившееся, связать речные, лесные и, более всего, семейные несчастья со зловерностью большевиков и демократов. К чести Распутина, нужно сказать, что хоть он и пытается осмыслить ту гибель, свидетелем которой призван быть, в социальном духе, масштаб его рассказов совершенно иной — сами собой напрашиваются иные причины и иные следствия. «Плохо мы слушаем свою душу, ее лад печален оттого лишь, что нет ничего целебнее печали, нет ничего слаще ее и сильнее, она вместе с терпением